

Теперь стало ясно, почему монстру, на чьем счету было столько человеческих жизней, до сих пор не вынесли смертный приговор.

Он действительно оказался чудовищем, а не человеком.

Существом, представляющим огромный научный интерес.

Архивное досье оказалось на удивление подробным. И пусть собранные данные противоречили законам привычного мира — в конце концов, они находились не в реальности, — раз уж им удалось добраться до архива, все сведения о монстре (здесь он значился под номером 123) были как на ладони.

Начать с того, что судя по четким снимкам, эта тварь не имела с человеческим родом ничего общего.

Пропорции и расположение конечностей еще отдаленно напоминали человеческие, но лицо... Оно выглядело так, словно его нарисовал ребенок, не имеющий ни малейшего представления об анатомии: руки и ноги на месте, а вот с чертами лица полная нелепица.

Физиономию монстра словно разбили вдребезги и слепили заново в полном хаосе. Спереди сиротливо ютились лишь один глаз, одно ухо да нос. Рот почему-то сполз на затылок, соседствуя со вторым глазом, а второе ухо и вовсе примостилось на шее.

Выглядело это жутко. Будь он бесформенной грудой слизи или клубком шевелящихся щупалец, он не внушал бы такого экзистенциального ужаса.

Впрочем, настоящую научную ценность представляла не кошмарная внешность существа, а уникальное устройство его организма. Фан Сынун не понимал специфических медицинских показателей в таблицах досье, но четко уяснил финальный вывод: прочность костей и сила мышц многократно превосходили человеческие лимиты, а зрение, слух, когнитивные способности и скорость регенерации находились за гранью возможного.

Проще говоря, если закрыть глаза на крайнее уродство, этот монстр стоял на ступень выше любого человека.

Не исключено, что ученые видели в нем прообраз будущего эволюционного скачка человечества. Естественно, пустить в расход столь ценный экземпляр никто бы не позволил.

В тюрьму он угодил шесть лет назад. Здесь его досконально изучали, пока монстр, задействовав свои феноменальные физические ресурсы, не совершил побег. Случилось это... меньше года назад.

Список преступлений Объекта 123 поражал своей детальностью. Самым первым в нем

значилось дело, вырезку о котором они ранее отыскиали в газетном архиве, — трагедия маленькой Мяньли.

Прямых улик в том расследовании явно не доставало, но схваченный Объект 123 сам сознался в содеянном. Случилось это пятнадцать лет назад — то есть между преступлением и поимкой пролегло девять лет. Сложно сказать, не взял ли этот наделенный недюжинным интеллектом мутант чужую вину на себя, решив, что терять ему все равно нечего. Впрочем, один из свидетелей, некий господин Мяньцин, кузен несчастной девочки, с абсолютной уверенностью указал на него пальцем.

На следующей странице красовался снимок Мяньцина. С фото на них смотрел мрачный, изможденный юноша. Его лицо можно было бы назвать даже симпатичным, если бы не болезненная серость кожи и безжизненная, похожая на сухую солому копна блеклых золотистых волос.

— Это Ху Бай, — уверенно произнес Фан Сынун, который всегда отличался феноменальной чувствительностью к чертам чужих лиц.

Ху Бай и был тем самым кузеном Мяньцином.

Выходит, нанимая сыщиков для поисков беглого монстра, он жаждал отомстить за сестру?

На счету Объекта 123 висело немало других преступлений, однако интуиция подсказывала Фан Сынуну, что самым важным оставалось именно первое. По законам этого театрального мира им, скорее всего, и не позволили бы раскопать ничего иного — вся суть крылась в личных счетах Ху Бая и чудовища.

Но какова тогда истинная цель Ху Бая? Лично прикончить эту тварь?

Но как с этим связано деторождение?

Пока Фан Сынун мучительно сопоставлял факты, Юй Цюся молча перевернул последнюю страницу досье. Обсуждать находку в стенах тюрьмы они не стали — погрузились в машину и покатали обратно.

Обратный путь прошел спокойно. Около пяти вечера на горизонте показались очертания Белого города. Припарковав машину на заброшенном пустыре у самой окраины, они двинулись дальше пешком.

Однако Юй Цюся не спешил возвращаться в логово — вместо этого он свернул к лавке садового инвентаря.

Местный торговец изначально казался Яо Ван подозрительным типом с богатым прошлым. К

сожалению, когда она попыталась завязать с ним разговор пару дней назад, старик проявил поразительную нелюдимость — вытянуть из него хотя бы слово было сродни подвигу.

Невысокий, сухой и крепкий, как дубовый корень, старик с почерневшей от солнца кожей и пепельной шевелюрой сидел на колченогом табурете у входа, затягиваясь дешевым табаком. Его мутные глаза вечно были сощурены, словно он всматривался в некую далекую точку.

Хотя с его крыльца никакого горизонта не было и в помине — взгляд упирался разве что в ржавую антенну на крыше дома напротив.

— Уважаемый, — окликнул старика Юй Цюся, едва они поравнялись с лавкой. — Нам бы лопат купить.

Старик лишь ткнул мундштуком трубки в темный угол лавки, где громоздились железные заступы, и сиплым, напрочь прокуренным голосом выдавил:

— Двадцать за штуку. Без торга.

— Идите принесите, — скомандовал Юй Цюся, повернувшись к Фан Сыну и Цзин Шипину. — Штук шесть или семь берите.

— Мы что, на рукопашную с ними собрались? — приподнял брови Цзин Шипин.

Ворчал-то ворчал, а в лавку все же зашел и вскоре выбрался наружу, небрежно зажав в кулаках четыре увесистых заступа.

Фан Сынун последовал за ним и поднял еще три штуки. Но стоило ему случайно скосить глаза на соседний металлический стеллаж, как его движения замерли.

— Это... что это такое? — внезапно сорвался на дрожь его голос. Лопаты со звоном выскользнули из ослабевших пальцев и посыпались на пол.

— Что стряслось? — мгновенно среагировал Юй Цюся.

Старик на табурете тоже шевельнулся, искоса поглядывая на парня.

— Откуда... откуда у вас эта вещь? — Фан Сынун дрожащим пальцем указал на висящий средихлама шарф.

Буро-коричневая шерстяная ткань с грязно-желтыми полосами — это был тот самый шарф, который никогда не снимал со своей шеи Старый безумец.

Старик нахмурился еще сильнее, выпустил струю сизого дыма и сухо буркнул:

— Подобрал на улице.

— Где именно вы его подобрали? — наседал Фан Сынун.

— Твой, что ли? Какая тебе разница, где нашел, там и лежит, — огрызнулся лавочник, кряхтя поднимаясь с места, и неторопливо пошагал внутрь помещения.

Старик уступал каждому из них добрых две головы, но атмосфера мгновенно накалилась. Все трое внутренне подобрались. Цзин Шипин бесшумно прислонил три тяжелых заступа к стене, крепче перехватив четвертый — на случай, если придется пустить его в ход. Юй Цюся шагнул следом за хозяином под низкие своды лавки и поверх его головы обменялся с Фан Сынунем быстрым, настороженным взглядом.

Было очевидно: старый шарф послужил триггером для сюжетной ветки этого молчаливого торговца. Но сулила ли эта зацепка спасение или верную гибель — бог весть. Оставалось уповать на то, что здешние обитатели не всесильны: раз уж Лу Шэну удалось прикончить монстра-уборщика, значит, и с этими NPC при желании можно совладать.

Фан Сынун быстро прокрутил в голове варианты и зашел с другой стороны:

— Вы ведь наверняка видели кровь на том месте?

— Видел, конечно. Я его и схоронил, — старик замер в паре метров от парня. Его желтоватые, подернутые катарактой глаза тускло блеснули в полумраке лавки, сделав его похожим на какого-то ночного хищника. — Выходит, ты там крутился?

— Да, — максимально осторожно подтвердил Фан Сынун. — Я был рядом, когда его не стало.

Старик молча кивнул и преспокойно затянулся трубкой, явно не собираясь продолжать расспросы.

Ни упреков в том, почему не спас, ни дежурного вопроса о том, кто совершил расправу.

Похоже, он и так прекрасно все знал.

Фан Сынун замялся, лихорадочно соображая, как продолжить разговор. Имени безумца он не знал, поэтому решился спросить наугад:

— Тот пожилой мужчина...

— Какой еще к черту господин? — старик сухо прыснул, кривя рот в презрительной усмешке. — Безумец он и есть безумец.

Тут подал голос стоявший у стены Цзин Шипин:

— Постойте. Разве он свихнулся не после того, как вся его семья разбилась в аварии?

— И кто вам эту чушь в уши влил? — старик резко повернул голову и зыркнул на него из-под кустистых бровей. Выпустив изо рта сизую струю, он добавил: — Да он отродясь убогим был. С самого рождения с головой не дружил.

— Но на фотографиях в его доме... — осторожно заикнулся Фан Сынун, — тот человек вовсе не похож на сумасшедшего.

— Карточки? Вы про те портреты в его развалюхе? — старик пренебрежительно фыркнул. — Конечно, это не он. На снимках запечатлен Ху Юн. А Ху Юн был моим старинным приятелем.

— Погодите, — окончательно запутался Фан Сынун, — но разве тот безумный старик — не Ху Юн?

— Да с чего вы взяли? — отмахнулся торговец. — Ху Юн — это Ху Юн, а юродивый — это совсем другой человек.

— Но как тогда у них оказался один и тот же шарф? — не унимался парень.

Старик уставился на шерстяную ленту шарфа, его взгляд на мгновение подернулся дымкой воспоминаний. Тяжело вздохнув, он пробормотал:

— Пес его знает... Наверное, Ху Юн, добрая душа, с барского плеча убогому отдал. Он же у нас вечно благодетеля из себя строил, всем помочь норовил.

— Вы так близко дружили? — ухватился за ниточку Фан Сынун. — Получается, те свежие фрукты на столе оставляли вы?

Но лавочник лишь покачал головой:

— Не угадал. Я к его берлоге уже сто лет как не подходил.

— Но кто же тогда их приносил? — удивился Фан Сынун.

— Да откуда мне знать? — старик вдруг оскалился, обнажив редкие пожелтевшие зубы, и

ядовито усмехнулся: — Уж явно не тот зверь лесной приносил гостинцы.

— Вы про монстра?

— Ну а про кого же еще? — хмыкнул старик. — Ты ведь сам там терся. Про ту тварь, что убогого растерзала.

От одного упоминания о кошмарной твари по спине Фан Сынуна пробежал ледяной озноб. На секунду он запнулся, лихорадочно соображая, как продолжить допрос.

К счастью, Юй Цюся вовремя пришел на выручку, плавно перехватив инициативу:

— И давно этот зверь там рыщет?

— Та развалина — его исконная территория, — старик заговорщически понизил голос, переходя на полупшепот: — Тварь эта — сущий дьявол, соображает дай боже. Она даже машиной управлять горазда. Ху Юн со своими как раз под колесами и сгинул — этот гад их и переехал.

Фан Сынун невольно содрогнулся от абсурдности услышанного.

«Чудовище, способное голыми руками рвать людей на куски, снизошло до того, чтобы сесть за руль? Какая глупость»

Какая нелепость.

— Но зачем ему понадобилось их давить? — спокойно поинтересовался Юй Цюся.

Торговец в ответ лишь разочарованно качнул головой:

— Да пес его знает. Разве разберешь, что в башке у чертова выродка варится? Нас тогда знатно припекло, паника стояла жуткая. Какой-то проезжий колдун авторитетно заявил, дескать, вся беда в дом Ху Юна через окна влетела. Так после этого деревенские годами боялись рамы открывать — сидели в духоте, как в склепах.

— Вы упомянули деревню? — зацепился за слово Юй Цюся. — Значит, дела давно минувших дней?

— Да уж поди лет шестнадцать-семнадцать минуло, — вздохнул старик. — Не случись тогда эта беда, Белого города тут еще век бы не видать...

Выудить у словоохотливого, но малополезного теперь торговца больше ничего не удалось. Прихватив охапку лопат, троица зашагала обратно к полуразрушенному коридорному барaku.

Они еще не успели дойти до крыльца, как из густых сумерек донесся приглушенный голос.

Проследовав на зов, они обнаружили Чжань Чэнсяо и Хуа Тяньсяо, укрывшихся за грудой битого кирпича и обломками полуразрушенных стен.

Хуа Тяньсяо лишился правой кисти лишь вчера. Для избалованного всеобщим обожанием звездного артиста такое увечье было немыслимым кошмаром, не укладывающимся в сознание. Он весь день избегал даже смотреть в сторону искалеченной руки. Кое-как придя в себя и преодолевая тошноту за завтраком, сейчас он безучастно лежал в укрытии, зажмурив глаза. Судя по отрешенному лицу, жить ему больше не хотелось.

— Как он себя чувствует? — не удержался от вопроса Фан Сынун.

— Лихорадит немного, но жить будет, — тихо ответил Чжань Чэнсяо, стараясь не тревожить раненого. — Вы зачем столько лопат приволокли?

— Хотим прихлопнуть гадину, которая повадилась шастать у нас под кроватями, — хладнокровно пояснил Юй Цюся.

— Понятно... — протянул доктор.

— А остальные где бродят? — спросил Цзин Шипин, оглядываясь.

— Пока не возвращались, — Чжань Чэнсяо осторожно выглянул из-за укрытия, всматриваясь в сторону темного зева барака, и, скользнув обратно, зашептал: — Я сегодня такое углядел... Один из этих уборщиков хоронил другого.

Он понизил голос до едва различимого шепота:

— Прямо за углом корпуса. Вижу, тащит за ноги своего мертвого собрата — того самого, что вчера разбился. И прямо в рабочем комбинезоне, даже не раздевая, свалил в наспех вырытую яму и забросал землей.

Услышав это, Фан Сынун облегченно выдохнул:

— Выходит, они хотя бы не воскресают из мертвых...

Юй Цюся хмуро глянул на него:

— Рано радуешься. Это лишь доказывает, что под боком у нас живет целый конвейер из этих тварей.

Фан Сынун поежился от нахлынувшего чувства жути. В ту же секунду входная дверь старого здания со скрежетом распахнулась изнутри.

Стрелки часов замерли на отметке 18:50. Время пришло.

Фан Сынун бросил быстрый, тревожный взгляд на ведущую к холму тропу, но Пу Тяньбая и остальных до сих пор не было видно.

Чжань Чэнсяо легонько потряс раненого за плечо, но тот лишь бессвязно мычал, уткнувшись лицом в воротник куртки. Делать было нечего — Фан Сынун поспешил на помощь, и они вдвоем, бережно подхватив обмякшего бедолагу с двух сторон, поволокли его в холл.

Вся группа рассредоточилась по обшарпанной столовой. Время будто застыло в густом холодном воздухе, подпитывая липкое чувство тревоги.

Настенные часы неумолимо отсчитывали последние мгновения до семи вечера, а вторая половина выживших так и не вернулась.

<http://bllate.org/book/20607/2146296>